



## М. И. Драгомировъ, командующій войсками округа<sup>1)</sup>.



Если бы можно было записывать рѣшительно все, что мы слышимъ, видимъ и такимъ образомъ знаемъ,—это было бы идеально; но это невозможно.—Во всякомъ случаѣ старайся записывать какъ можно больше; ничего не пропускай; лишнее записать скорѣй полезно, чѣмъ вредно:

все то, что окажется дѣйствительно лишнимъ, потому ли, что оно невѣрно или почему-либо иному,—можно всегда впоследствии исправить; но то, что изъ видѣннаго, слышаннаго и вообще извѣстнаго не занесешь, того не увидишь и не будешь имѣть случая исправить,—такъ оно и пропадетъ“.

Часто случалось мнѣ, ведя съ М. И. Драгомировымъ разговоры о веденіи записокъ, слышать эти слова; твердо ихъ запомнивъ, я стараюсь ихъ не забывать и нерѣдко ими руководствуюсь.—Когда такимъ образомъ записываешь годъ, другой,—какое широкое поле получается для извлеченій самыхъ разнообразныхъ, интересныхъ и полезныхъ.

Предлагаемая замѣтка вся, отъ начала до конца, явилась именно плодомъ руководства этимъ драгомировскимъ правиломъ.

\* \* \*

Съ самаго вступленія своего въ должность командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа, М. И. Драгомировъ завелъ порядокъ, по которому всякое его замѣчаніе, приказаніе и вообще распоряженіе, сдѣланное или отданное при какомъ бы то ни было соприкосновеніи съ частями войскъ и случайномъ или же очередномъ инспекторскомъ посѣщеніи ихъ,—тщательно записывалось въ особую тетрадь. Отъ времени до времени эти записи сводились въ общій сборникъ и разсылались въ войска. За все время составилось до

<sup>1)</sup> См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

двадцати сборниковъ, которые вообще принимались къ руководствѣ и исполненію, а кромѣ того, помимо всякаго къ тому призыва и напоминанія, постоянно перечитывались командирами, начальниками отдѣльных частей, а также офицерами и даже нижними чинами, какъ не только назидательно поучительные—это главное,—но и интересные.—Въ нихъ съ математическою вѣрностью и точностью отражалось все высказанное, предписанное и вмѣненное въ обязанность въ теченіе всего времени командованія войсками и наблюденія за ними такого изъ ряду вонъ выходившаго командира, начальника, попечителя и учителя, какимъ являлся Михаилъ Ивановичъ.

Нѣкоторыя изъ занесенныхъ въ сборникъ статей были снабжены краткой помѣткой, гласящей, что онѣ „оглашенію не подлежатъ“; къ инымъ кромѣ того было добавлено: „только для офицеровъ“.

Трудно и даже невозможно было разобраться въ томъ, какія у статьи должны были имѣться особенности и примѣты для того, чтобы она заслужила такую отмѣтку: были ли то описанія нововведеній, выходившихъ изъ ряда обыденныхъ—по части военно-административной, строевой, технической или же какія-либо, дѣлавшіяся начальникамъ отдѣльных частей, замѣчанія, которыхъ распространеніе могло казаться дискредитированіемъ этихъ начальниковъ.

Смѣшно сказать, что, въ первое время, статьи съ такими отмѣтками являлись предметомъ спеціальнаго вниманія и особаго разбора со стороны офицеровъ, въ особенности молодыхъ; они, по словамъ одного близкаго въ то время къ М. И. Драгомирову лица, относились къ этому такъ же, какъ въ доброе старое время читающая публика относилась къ статьямъ, которыя, на страницахъ газетъ и журналовъ, вычеркивались цензурой или были указываемы министромъ внутреннихъ дѣлъ въ „распоряженіяхъ“, неизмѣнно начинавшихся словами: „принимая во вниманіе, что газета (или журналъ) такая-то въ статьѣ“... и т. д.

Когда кто-то, на досугѣ, между прочимъ, рассказалъ объ этомъ курьезѣ М. И. Драгомирову, онъ разсмѣялся и сказалъ, полшутя: „ишь, вѣдь, и въ голову не придетъ; а вотъ, чтобы отучить охотниковъ доискиваться чего-либо пикантнаго, зачитываться и разбираться въ серьезномъ лишь для того, чтобы обратить во вздоръ, надо будетъ нѣсколько разъ нарочно дать такую запретную отмѣтку самымъ мелкимъ статьямъ,—ну, хотя бы о замѣчаніяхъ моихъ относительно невѣрной пригонки барашковыхъ шапокъ или относительно болѣе правильной подвязки мѣшковъ, замѣнившихъ ранцы, а что-нибудь серьезное, стоящее заботы, пустить безъ отмѣтки;—вотъ эти дѣти въ офицерскихъ мундирахъ отвыкнувъ давать себѣ трудъ по пустякамъ терять время и создавать такую игрушку!“

Шутка эта живо распространилась; посмѣялись ей, да и забыли про нее; никто не могъ себѣ представить, что она можетъ вызвать серьезное дѣло или быть причиной чего-либо выходящаго изъ ряда.

\* \*  
\*

По поводу неправильнаго примѣненія дисциплинарнаго устава въ одномъ изъ полковъ N корпуса или, можетъ быть, несвоевременнаго занесенія въ подлежащія книги записей о приѣмѣ и выдачѣ солдатскихъ денежныхъ писемъ,—командиру корпуса генералу О. было сдѣлано и пропечатано своевременно въ сборникѣ указаніе съ предложеніемъ наблюдать впредь внимательно и подобныхъ упущеній не допускать; при этомъ статья, которою то указаніе объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, не была снабжена „отмѣткой“ о нежелательности оглашенія указанія, явившагося какъ бы взысканіемъ, наложеннымъ на командира корпуса.—Послѣдній, что называется, взѣлся; былъ онъ изъ числа людей крайне обидчивыхъ, а, можетъ быть, и дѣйствительно представлялось очень жестокимъ такое выставленіе его общему вниманію чиновъ не только его корпуса и округа, но и всей арміи; кромѣ того онъ уже и раньше возымѣлъ зубъ противъ командующаго за нѣсколько неловкостей, которыя онъ, генералъ О., считалъ со стороны М. И. Драгомирова продѣлками противъ него.

Въ „продѣлкахъ“ этихъ, можетъ быть, виновнымъ былъ больше самъ генералъ О., но на всякое дѣло онъ смотрѣлъ по-своему, въ особенности на это.

Знакомъ генералъ О. былъ съ М. И. Драгомировымъ давно, и знали они другъ друга съ давнихъ лѣтъ по службѣ въ Петербургѣ въ частяхъ войскъ гвардіи.—Въ Кіевѣ, съ первыхъ дней встрѣчи съ командующимъ войсками, генералъ О., на правахъ стараго знакомаго, сразу наладился, докладывая о дѣлахъ служебныхъ, рассказывать и о разныхъ мелочахъ, происходившихъ въ его корпусѣ, къ службѣ вовсе не относившихся и съ нею ровно ничего общаго не имѣвшихъ.—М. И. терпѣливо выслушивалъ анекдоты сплетническаго характера относительно происходившихъ въ семьяхъ командировъ и офицеровъ семейныхъ дразгъ; онъ думалъ, что если будетъ молчать, игнорируя рассказы о тайнахъ корпусной жизни, и не показывая никакого интереса къ нимъ, будетъ переходить къ разговору по дѣламъ службы, то мало-по-малу, это посвященіе его въ частности жизни семей генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ прекратится.—Но, чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;—генералъ О., не унимаясь, продолжалъ свое, вѣроятно, не понимая, какъ можно не подѣлиться со своимъ прямымъ начальникомъ тѣми пикантными свѣдѣніями, которыя доходятъ до него, а можетъ быть даже старательно имъ вылавливаются.

Видя это, М. И. рѣшился прекратить ненужный наплывъ праздныхъ извѣстій и новостей. Не имѣя привычки остановить кого-либо въ чемъ бы то ни было мягко, онъ во время одного изъ посѣщеній генерала О., прямо такъ остановилъ потокъ его рѣчей:

„Знаете ли, я давно собираюсь вамъ сказать, что я мало цѣню ваши рассказы и совсѣмъ не понимаю соли ихъ; а съ другой стороны, не могу успѣвать толково набраться нужныхъ мнѣ новостей, прямо идущихъ къ дѣлу моей службы, не могу ихъ всецѣло обсудить; избавьте меня, пожалуйста, отъ этого балласта, будемъ говорить обо всемъ, что касается полковъ, бригадъ, батарей, эскадроновъ, ротъ, а также чиновъ корпуса въ служебномъ отношеніи, а эту дребедень оставимъ разъ навсегда“...

Генераль О., повидимому, привыкшій въ прежнихъ должностяхъ своихъ забавляться частными новостями и дѣлиться ими со своимъ начальствомъ, усыпляя его,—не имѣлъ ни привычки, ни умѣнья оставлять ихъ лично при себѣ или хотя бы брать сноровку рассказывать вздорныя новости за картами, за чаемъ, за ужиномъ, а не въ минуты дѣлового разговора,—счелъ остановку, учиненную М. И. Драгомировымъ, за поступокъ рѣзкій, за выходку, показавшую въ немъ отсутствіе деликатности. Незамѣтно для самого себя, онъ началъ будировать, затаивъ противъ „командующаго“ чувство неудовольствія, похожего на злобу.

\* \* \*

Тутъ же, какъ на зло, подоспѣла исторія, вошедшая всецѣло въ ненавистный сборникъ; О., потерпѣвъ очень недолго, сталъ, съ полнымъ отсутствіемъ выдержки, рѣзко говорить о ней на всѣхъ перекресткахъ и высказывать неудовольствіе дѣйствіями „командующаго“ и его сотрудниковъ.

„Этого недоставало, говорилъ онъ, чтобы выговоръ, сдѣланный командиру корпуса, заносили въ сборникъ, имѣющій повсемѣстное распространеніе; изъ-за шутокъ командующаго войсками сняли съ этого факта выговора и послѣднюю, хотя бы отчасти и фиктивную, замычку о томъ, что онъ огласкѣ не подлежитъ; нѣтъ, объявили во всеуслышаніе, какъ замѣчаніе сдѣланное прапорщику или подпоручику“.—Дальше, больше, въ конецъ огорченный генераль, какъ выразился М. И., потерялъ умственное и душевное равновѣсіе, забылся и однажды явился, какъ будто бы невзначай, въ праздничный день, чтобы не было похоже на явку въ часы служебныхъ докладовъ, и почти съ первыхъ словъ, началъ передъ командующимъ изливать свое горе по поводу нанесенной ему обиды.

Еще генераль О. не началъ говорить, какъ уже генераль Драгомировъ понялъ, съ какимъ дѣломъ онъ явился; надо было пора-

жаться, какъ М. И., въ высшей степени строгій человекъ, спокойно и сдержанно принялся за разговоръ корпуснымъ командиромъ, который не сумѣлъ или не захотѣлъ ни на секунду сдержать себя, а потому началъ сразу захлебываться и какъ-то словно раскудахтался.

Пригласивъ его сѣсть, М. И. сказалъ: „Хотя дѣло это, какъ совершенно правдное, не стоитъ выѣденнаго яйца, но, видя, какъ вы имъ взволновались, разберусь въ немъ вмѣстѣ съ вами“. Тутъ онъ, какъ будто отступивъ отъ выдержки, пустилъ полушутя свою, не вполне приличную и шедшую къ моменту фразу—„умъ хорошо, а полтора лучше“ а затѣмъ сталъ ясно, спокойно, логично доказывать, что ничего особеннаго, а тѣмъ болѣе обиднаго онъ въ отданномъ приказѣ по округу не видитъ.

— Вами и вашими сотрудниками пропущено очень многозначительное дѣло, говорилъ М. И., а въ сдѣланномъ за это указаніи необыденнаго, такого, т. е. что могло бы кого либо поразить, очень немного:—лишь большее уменьшеніе соотвѣтствовавшаго винѣ упустившихъ взысканія, если желать въ томъ указаніи видѣть взысканіе. Всякое упущеніе оцѣнивается по послѣдствіямъ, которыя оно можетъ вызвать, оставаясь незамѣченнымъ, вѣ-время неразоблаченнымъ и неуказаннымъ.—Ваше упущеніе было замѣчено, для разоблаченія подчеркнуто и указано тѣмъ порядкомъ, какимъ цѣль можетъ быть легче достигнута, т. е. чтобы и въ другихъ частяхъ возможность такихъ упущеній была вѣрнѣе и скорѣе пресѣчена, а потому сдѣланное указаніе объявлено во всеобщее свѣдѣніе.

Видя, что обиженный генераль продолжаетъ кипятиться, насколько не думая о томъ, насколько было бы и лучше и благо-разумнѣе успокоиться, М. И. сказалъ ему:

„Изъ всей бесѣды нашей я вижу:

во 1-хъ, что вы въ замѣчаніи или выговорѣ, сдѣланномъ мною тѣмъ же порядкомъ командиру —скаго полка, не захотѣли увидѣть себя, какъ въ зеркалѣ; командиръ полка получилъ строгій выговоръ за данный имъ мнѣ лично отвѣтъ на сдѣланное ему мною лично же замѣчаніе; отвѣтъ состоялъ въ томъ, что замѣченный мною недочетъ явился результатомъ порядка, заведеннаго въ полку еще до него; я нашелъ нужнымъ, при объявленіи строгаго выговора, указать ему, что это не оправданіе, а простая отговорка, и что онъ уже почти четыре года командуетъ полкомъ, стало быть, имѣлъ много времени измѣнить заведенный не при немъ противный закону порядокъ, обративъ его на иной, совершенно согласный съ закономъ, путь.—Но вѣдь такой самый отвѣтъ за день до того или наканунѣ я получилъ отъ васъ; если я сорвался выговоромъ за это не на васъ, а на полковомъ командирѣ,—неужели же вы могли

хоть одну секунду полагать, что вашъ такой же промахъ, представляющій собою такую же простую и неумѣстную отговорку, мною не былъ по достоинству и въ достаточной мѣрѣ оцѣненъ? или вы подумали, что онъ не былъ мною замѣченъ? Я не сдѣлалъ вамъ за это отдѣльнаго замѣчанія не потому, что не замѣтилъ его или не нашелъ нужнымъ указать;—вышла лишь такая случайность, что пока я готовилъ для указанія вамъ вполне подходящую форму, полковой командиръ выручилъ меня, а можетъ быть также и васъ поступкомъ, сфотографировавшимъ вашъ. Я считалъ для васъ вполне яснымъ то соображеніе, что для корпуснаго командира замѣчаніе или указаніе по поводу такого промаха является во сто разъ серьезнѣе и конфузнѣе, чѣмъ для командира полка; то самое, что въ этомъ дѣлѣ для полкового командира явилось промахомъ, будучи содѣяно корпуснымъ командиромъ, выходило серьезной, почти криминальной, продѣлкой. Вамъ неужели было въ этомъ разобраться, и вы пришли къ командующему войсками,—своему прямому и непосредственному начальнику, съ указаніемъ на мелкое взысканіе, сочтенное вами за обиду, не чувствуя себя достойнымъ или обязаннымъ явиться отвѣтственнымъ по болѣе крупному служебному пропуску;

— во 2-хъ, что вы признали возможнымъ увидѣть явку къ командующему войсками съ объясненіемъ дѣломъ совершенно простымъ; означаетъ ли это то, что у себя, во ввѣренномъ вамъ корпусѣ, вы это позволяете практиковать, давъ разъ навсегда вашимъ подчиненнымъ разрѣшеніе являться къ вамъ съ подобными мало серьезными и еще того менѣе необходимыми объясненіями? Если да, то неужели же вы, корпусный командиръ, не усвоили себѣ того, что это, въ сущности, криминаль и что за это отвѣтственность уже не можетъ быть ограничена полученіемъ указанія?

Услышавъ и на это отъ генерала О. возраженія, похожія на тѣ, которыя носятъ характеръ запальчивыхъ, М. И. сказалъ:

— Снисхожу къ происшедшему, такъ какъ не вижу возможности слишкомъ строго осудить ваше возбужденное состояніе; оно очевидно вызвано родомъ нѣкотораго заболѣванія и нервнаго расстройства. Съ другой стороны, зная твердо вообще васъ, а также ваши взгляды на службу и заслуги по ней, я, имѣвъ случай дать о васъ высшей власти на данный мнѣ запросъ отзывъ, составилъ его въ совершенно опредѣленной формѣ о томъ, можете ли вы быть назначеннымъ, съ успѣхомъ для дѣла, къ болѣе высокой дѣятельности; сомнѣнія въ правильности посланнаго мною отвѣта во мнѣ никогда не появлялось, сегодняшній же нашъ разговоръ или вѣрнѣе сегодняшнія ваши реплики укрѣпили меня въ томъ, что мой отзывъ находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ тѣмъ, чего вы заслуживаете...

Разговоръ прекратился; генераль О., посидѣвъ нѣсколько минутъ въ очень печальномъ положеніи и настроеніи, всталъ и, пробормотавъ что-то похожее на то, будто отъ его высокопревосходительства иныхъ отзывовъ онъ никогда и не ожидалъ, добавилъ: „О нихъ я уже освѣдомленъ“.

Прощаясь съ нимъ, М. И. сказалъ: „а если освѣдомлены, то тѣмъ лучше: не будетъ для васъ впереди ничего непредвидѣннаго, похожаго на сюрпризъ“.

Этотъ, происшедшій въ четырехъ стѣнахъ дома командующаго войсками, разговоръ сдѣлался извѣстнымъ двумъ-тремъ болѣе приближеннымъ къ М. И. лицамъ; но вообще стало извѣстно, что генераль О. выставлялъ передъ командующимъ свою обиду.

Съ теченіемъ времени слухи объ этомъ, разрастаясь болѣе и болѣе, дошли до того, что подъ сурдинку кое-гдѣ, кое-кто добавлялъ свѣдѣнія объ истинныхъ причинахъ обиды, всплывшей со стороны генерала О.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Развѣ онъ обидится на такую мелочь: ему давно изъ Петербурга стало отъ друзей извѣстно, что возбужденное имъ самимъ, подъ рукой, совершенно секретно, ходатайство о назначеніи его въ члены Военнаго Совѣта, потерпѣло фіаско, потому что генераль Драгомировъ на сдѣланный ему военнымъ министромъ или начальникомъ главнаго штаба, запросъ о томъ, не явится ли съ его стороны какихъ-либо препятствій къ назначенію генерала О. членомъ Военнаго Совѣта,—отвѣтилъ очень коротко:

„Генераль О. можетъ быть назначенъ членомъ Военнаго Совѣта, но никакихъ совѣтовъ тамъ давать не сможетъ“...

Ставшее черезъ петербургскихъ друзей извѣстнымъ генералу О. ядовитое опредѣленіе это, заставило его уже давно затаить въ себѣ злобу; все дальнѣйшее ее увеличивало, какъ комъ снѣга; при разстроенныхъ въ конецъ нервахъ, онъ дѣйствительно потерялъ подъ собой почву и равновѣсіе, а затѣмъ уже не было удержа въ томъ, что онъ совсѣмъ уронилъ себя недостойными объясненіями...

Не долго послѣ того прокомандовалъ N. корпусомъ,—онъ получилъ назначеніе, кажется, въ члены Александровскаго комитета о раненыхъ, гдѣ, какъ человекъ въ основѣ добрый, приносилъ не мало пользы.

\* \* \*

Возвращаясь къ сборникамъ, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ этой замѣтки, не могу пропустить, что впоследствии всѣ сборники эти вышли вторымъ изданіемъ, такъ какъ спросъ на нихъ былъ довольно большой. Надо полагать, что въ отмѣткахъ о нежелатель-

ности оглашенія нѣкоторыхъ статей надобность миновала; статьи, потерявши интересъ минуты, становились, мало-по-малу, достояніемъ историческимъ. Въ настоящее время со дня напечатанія и выхода въ свѣтъ хотя бы пресловутаго указа генералу О. прошло болѣе двадцати лѣтъ; теперь и онъ посмотрѣлъ бы на него спокойно и, можетъ быть, съ доброй улыбкой; но когда онъ видѣлъ перепечатку статей сборника въ нѣкоторыхъ частныхъ журналахъ, а, можетъ быть, и газетахъ, то невольно разстраивался, а печень, посылавшая его изъ года въ годъ въ Карлсбадъ и въ концѣ концовъ уложившая его въ могилу, болѣе и болѣе разрасталась, заставляя страдать,—все изъ-за проявленнаго имъ упущенія, поставленнаго ему въ укоръ.

\* \* \*

Уже много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ стало извѣстно, что болгарское военное министерство, чуткое ко всему, что могло доставлять молодой арміи братушекъ движеніе впередъ въ дѣлѣ образованія и совершенствованія и не упускавшее къ тому ни малѣйшей возможности,—распорядилось переводомъ на болгарскій языкъ поучительныхъ сборниковъ нашего талантливаго „командующаго“, отъ котораго въ свое время было дано разрѣшеніе на то.

Въ дни пребыванія въ Кіевѣ короля (тогда еще князя) Фердинанда, кажется, въ 1900-мъ году, прибывшій вмѣстѣ съ его высочествомъ достойный генералъ Петровъ (или Петковъ), бывшій раньше или впослѣдствіи военнымъ министромъ, говорилъ въ частной бесѣдѣ, что самымъ дорогимъ матеріаломъ для юной болгарской арміи являются тѣ мелкія замѣчанія, которыя, талантомъ генерала Драгомирова, были выставлены при разборѣ отвѣтовъ, получавшихся имъ отъ офицеровъ, нижнихъ чиновъ, а главное отъ новобранцевъ на задававшіеся имъ при смотрахъ во время объѣздовъ искусно составленные вопросы о караульной службѣ, о различныхъ служебныхъ сноровкахъ, а также по провѣркѣ знанія Закона Божія <sup>1)</sup> и другіе, самые разнообразныя, разсѣяныя по книжкамъ сборника, вопросы; они, говорилъ Петковъ, такъ цѣликомъ и вошли въ различныя инструкціи, изданныя для обученія

---

<sup>1)</sup> Сохранился рассказъ о томъ, будто бы въ одномъ полку солдатъ, давшій на всѣ вопросы очень бойкіе и вѣрные отвѣты, также бойко, безъ запинки отвѣтилъ заповѣдь; когда же генералъ Драгомировъ сказалъ ему, что онъ произнесъ заповѣдь Моисееву вмѣсто Христовой, то эскадронный командиръ доложилъ: „в. в-во, онъ мусульманинъ, татаринъ Казанской губерніи: его обыкновенно не спрашиваютъ; откуда онъ набрался сегодня отвѣчать, не понятно“.. Вотъ такъ падо было бы нашихъ турокъ мало по малу приводить къ христіанству, шутили братушки.



нашихъ юнаковъ-дружинниковъ; составился изъ нихъ цѣлый кодексъ „обученія болгарскихъ солдатъ по Драгомирову“.

Нельзя было не внять этимъ отзывамъ, которые давалъ молодой генералъ, руководитель юной арміи родного намъ народа, освобожденнаго нами по волѣ блаженной памяти Царя-Освободителя.

Вы вполне поймете, говорилъ тотъ же генералъ Петковъ, съ какимъ реальнымъ интересомъ нашъ болгарскій солдатикъ, много слышавшій о Драгомировѣ, могъ отнестись къ такому случаю, что солдатъ, стоявшій на часахъ, при требованіи этого популярнѣйшаго генерала отдать ему ружье,—не отдалъ его, а главное, что генералъ Драгомировъ, отмѣчая это обстоятельство въ своемъ приказѣ, говорить: „Не только не отдалъ, но даже наершился и при этомъ взялъ на руку“<sup>1)</sup>. Добавленное же къ этому со стороны генерала Драгомирова въ приказѣ, по адресу часового, слово „молодецъ“ прямо приводитъ юныхъ служакъ юной болгарской арміи въ восторгъ.

\* \* \*

Разсказываютъ, что не только на болгарскій яз. переведены драгомировскіе сборники, но и на румынскій и что объ этомъ больше всего радѣлъ лично самъ король румынскій Карлъ, всегда почитавшій М. И. Драгомирова, очень высоко ставившій и теперь ставящій его школу и жаждавшій введенія въ дѣло обученія румынской арміи всего исходящаго отъ такого учителя.

Король Карлъ румынскій, нѣмецъ по происхожденію, хорошо зналъ, что нелюбовь М. И. Драгомирова къ нѣмцамъ граничила съ ненавистью. Въ высокой степени благородный монархъ этотъ, умѣлъ, съ твердостью, свойственной Гогенцоллернамъ, сглаживать въ себѣ неловкость непріятнаго чувства, напоминавшаго ему о непріязни Мих. Ивановича къ его происхожденію и рожденію; отдаливъ отъ себя разъ навсегда эти ощущенія, король отдавалъ полную справедливость знаніямъ, способностямъ и талантамъ генерала Драгомирова.

Въ 1900-мъ или 1901-мъ году король также провелъ нѣсколько дней въ Кіевѣ въ качествѣ гостя войскъ Кіевского военнаго округа и ихъ командующаго. Надо было видѣть, съ какой дружеской простотой Его Румынское Величество принималъ отъ Мих. Ив. все то, что онъ находилъ нужнымъ доставлять ему, какъ военному

<sup>1)</sup> Взять на руку значитъ сдѣлать ружейный пріемъ, который обозначаетъ подготовку къ оборонѣ или къ атакѣ.

гостю, державному шефу арміи сосѣдняго намъ народа, освобожденнаго когда-то также волею царя Россіи и по мѣрѣ силъ своихъ братски раздѣлившаго съ нами успѣхи борьбы въ дѣлѣ освобожденія нами славянскихъ братушекъ въ 1877—78 гг.

Нынѣ, когда достойнѣйшій вождь братской арміи только-что получилъ отъ Царя чинъ фельдмаршала славной арміи Россійской, — будетъ очень кстати рассказать на страницахъ „Русской Старины“ обстоятельства, при которыхъ король Карль, въ свое время, сорокъ семь лѣтъ тому назадъ, сдѣлался владѣтельнымъ княземъ Молдаволахскимъ, т. е. вступилъ на Румынскій престолъ.

Разсказъ этотъ мнѣ довелось услышать отъ Мих. Ив. Драгомирова тогда же, когда король Карль былъ въ Кіевѣ его дорогимъ и во всѣхъ отношеніяхъ пріятнымъ гостемъ.

А. Е. К.

*(Продолженіе слѣдуетъ).*

